

СЕМАНТИКА И КОННОТАЦИИ СЛОВА “SURPLUS” ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И ПРОВАНСАЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ XII В.

© 2022 г. Н.М. Долгорукова, А.А. Любавина
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
Дата поступления статьи: 08 декабря 2020 г.
Дата одобрения рецензентами: 08 апреля 2021 г.
Дата публикации: 25 марта 2022 г.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-70-87>

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Аннотация: В статье рассматриваются семантические трансформации старофранцузского слова *surplus* во французской и провансальской литературах XII в. В словарях Годфруа и Тоблер-Ломача *surplus* определяется как «остальное», «то, что осталось», «(всё) прочее». Именно в таком значении слово возникает в историографии, а затем в куртуазной литературе. Однако при анализе романов Кретьена де Труа и лэ Марии Французской обнаруживается семантический сдвиг: в некоторых фрагментах слово *surplus* становится эротическим эвфемизмом, обозначающим «высшую благосклонность дамы». Есть основания полагать, что истоки этого эвфемистического значения восходят к лирике трубадуров, в которой слова *plus* и *sobreplus* использовались для обозначения высшего эротического удовольствия. В лэ о Соловье Мария Французская в схожий контекст помещает не *surplus*, а именно *plus*. Таким образом, можно предположить, что поэтесса первая обнаружила эвфемизм у трубадуров, а Кретьен использовал его под влиянием лэ. В прологе к сборнику лэ, написанному после всех двенадцати текстов, Мария Французская придает слову *surplus* новое значение. Оно превращается в метафору познания и интерпретации, привносящей новые, дополнительные смыслы в древние тексты.

Ключевые слова: Surplus, трубадуры, Кретьен де Труа, Мария Французская, Готье из Арраса, Рауль де Удан.

Информация об авторах: Наталья Михайловна Долгорукова — кандидат филологических наук, PhD, доцент Школы филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 11, 101000 г. Москва, Россия.

E-mail: natalia.dolgoroukova@gmail.com

Алеся Алексеевна Любавина — студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 11, 101000 г. Москва, Россия.

E-mail: lyubavinaalesya@gmail.com

Для цитирования: Долгорукова Н.М., Любавина А.А. Семантика и коннотации слова “surplus” во французской и провансальской литературах XII в. // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 1. С. 70–87. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-70-87>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 1, 2022

SEMANTIC AND CONNOTATIONS OF THE WORD “SURPLUS” IN FRENCH AND PROVENÇAL LITERATURE OF THE 12TH CENTURY

© 2022. Natalia M. Dolgorukova, Alesya A. Lyubavina
*National Research University Higher School
of Economics, Moscow, Russia*
Received: December 08, 2020
Approved after reviewing: April 08, 2021
Date of publication: March 25, 2022

Acknowledgements: The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Abstract: The article examines the semantic transformations of the Old French word *surplus* in French and Provençal literature of the 12th century. In the dictionaries of Godefroy and Tobler-Lommatzsch, *surplus* is defined as “the rest,” “what is left,” “(all) the rest.” It is in this sense that the word appears in historiography, and then in courtly literature. However, when analysing the novels of Chrétien de Troyes and *lais* of Marie de France, a semantic shift is revealed: in some fragments, the word *surplus* becomes an erotic euphemism, denoting “the highest favour of a lady.” There is reason to believe that the origins of this euphemistic meaning go back to the lyrics of the troubadours, in which the words *plus* and *sobreplus* were used to denote the highest erotic pleasure. In *lai* of Nightingale, Marie de France places in a similar context not *surplus*, but *plus*. Thus, it can be assumed that the poetess was the first to discover the euphemism among the troubadours, and Chrétien used it under the influence of *lais*. In the prologue to the *lais*, written after all twelve texts, Marie de France gives the word *surplus* a new meaning. It turns into a metaphor of cognition and interpretation, introducing new, additional meanings in the ancient text.

Keywords: Surplus, troubadours, Chrétien de Troyes, Marie de France, Gautier d’Arras, Raoul de Houdenc.

Information about the authors: Natalia M. Dolgorukova, PhD in Philology, Docent, National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya St. 11, 101000 Moscow, Russia.

E-mail: natalia.dolgoroukova@gmail.com

Alesya A. Lyubavina, Student, National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya St. 11, 101000 Moscow, Russia.

E-mail: lyubavinaalesya@gmail.com

For citation: Dolgorukova, N.M., Lyubavina, A.A. “Semantic and Connotations of the Word ‘Surplus’ in French and Provençal Literature of the 12th Century.” *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 70–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-70-87>

Впервые в письменном источнике старофранцузское слово *surplus* появляется в XI в. Так, в девятом законе Вильгельма Завоевателя читаем следующее: “De la were primereinement rendrad l’om de l’hamsochne a la vedve e as orfenins X sol.; e le surplus les parenz e les orfenins partent entre eus”¹ [13, p. 40]. С тех пор *surplus* в значении «остатка» продолжает использоваться в текстах XI и XII вв. Однако во второй половине XII в. целый ряд авторов (трубадуры, Мария Французская, Кретьен де Труа и другие) развивают семантику этого слова так, что у него появляются новые значения. В статье будет рассмотрено, каким трансформациям было подвержено слово *surplus* и как менялась его семантика в XII–XIII вв.

Об интересующем нас слове написано очень мало. В 1985 г. медиовист Жан Шарль Юше публикует статью “L’ ‘Amor de Lonh’ du grammairien”. Анализируя тексты трубадуров, он обращает внимание на семантику окситанского слова *sobreplus*, которое в некоторых кансонах приобретает эротическое значение [5, p. 66–70].

В 1998 г. выходит статья Мишель Перре “Le sorplus ou l’indicible treinte” [6, p. 71–85], являющаяся и по сей день наиболее подробным исследованием значений слова *surplus*. В ней французский лингвист впервые обращает внимание на то, что в определенных контекстах *surplus* приобретает эротический смысл. Тем не менее статья носит скорее дескриптивный характер. Мишель Перре называет и кратко характеризует все значения *surplus*: количественное, анафорическое, катафорическое, имплицитное и

1 «Из вергельда 10 шиллингов должны быть выплачены в первую очередь вдове и сироте, а остаток другие члены семьи и сироты должны разделить между собой». Здесь и далее перевод выполнен авторами статьи.

эротическое. Последнее и наиболее интересующее нас значение она подразделяет на три категории: поговорки, прямая речь и топос воссоединения возлюбленных. Не вполне ясно, по какому принципу сделана такая классификация. К тому же, в статье рассматриваются далеко не все тексты XII в., в которых упоминается *surplus*. Мишель Перре приходит к следующему выводу: *surplus*, приобретая эротическое значение, приближается к тому, что французы называют *le non-dit*, «невывысказанным». Мы же постараемся провести более подробное исследование трансформации смыслов *surplus*, установить истоки его эвфемистического значения и проанализировать, в каком контексте и в какой функции оно появляется в текстах XII в.

В словарях Годфруа [4, vol. 7, p. 235–236] и Тоблер-Ломача [10, bd. 9, p. 914–915] можно найти перевод слова *surplus* — «остальное», «то, что осталось», «(всё) прочее». Именно в таком значении слово появляется в законах Вильгельма Завоевателя, в «Истории англоv» Джеффри Гаймара [16, p. 103], у Васа [27, p. 280], в романах, лирике трубадуров и лэ. Интересующее нас слово несколько раз встречается в романе Кретьена де Труа «Эрек и Энида». Отказавшись от нового меча и коня, Эрек соглашается принять прочее оружие:

Se vos le sorplus me pretez,
vis m'est que c'est mout granz bontez.
[15, p. 80]

Если вы одолжите мне остальное,
Это будет очень любезно с вашей стороны.

Затем Кретьен называет «остальным» ненужные подробности торжества:

Mout fu granz la joie el palés,
mes tot le sorplus vos an les,
s'orroiz la joie et le delit
qui fu an la chanbre et el lit...
[15, p. 125]

Во дворце царила радость,
Но избавлю вас от рассказа обо всем прочем,

Послушайте, какая радость
Была в комнате и постели.

Однако после выздоровления Эрека возлюбленные воссоединяются, и *sorplus* приобретает новое значение:

Tant ont eü mal et enui,
Il por li et ele por lui,
C'or ont feite lor penitance.
Li uns ancontre l'autre tance
comant il li puise pleisir;
del sorplus me doi bien teisir.

[15, p. 227]

Столько они страданий пережили,
Он ради нее, и она ради него,
Что заслужили покой.
Теперь они стараются ублажать друг друга,
А об остальном я умолчу.

Итак, *sorplus* становится эвфемизмом, которым Кретьен обозначает высшую благосклонность дамы. Таким образом, к первому значению слова добавляется второе, эвфемистическое. В поздних романах Кретьен все больше использует *sorplus* в этом втором значении. В начале «Персеваля, или Повести о Граале» Кретьен приводит слова матери Персеваля, которая дает сыну ряд наставлений, в числе прочих:

De pucele a molt qui la baisse.
Se lo baisier vos en consent,
Lo soreplus vos en desfant,
Se laisier lo volez por moi.

[15, p. 958]

Девушка позволяет многое тому, кто ее целует,
Но даже если вы получите от нее поцелуй,

Остальное я Вам запрещаю,
Если Вам будет угодно отказаться от этого ради меня.

Затем рыцарь, хозяин шатра, обвиняя свою спутницу в измене и распущенности, тоже используя *soreplus*:

Fame qui sa boche abandone
le soreplus de legier done,
s'est qui a certes le demant...

[15, p. 1055]

Женщина, которая отдает свои губы,
Легко отдает остальное,
Если ее просят об этом...

У кого нашел Кретъен это «остальное» в его специфическом эротическом значении? Можно предположить, что ответ дают трубадуры, использовавшие слово *plus* в схожих контекстах и значениях. Этот эвфемизм встречается у трубадуров первого поколения: Бернарта Вентадорна, некоторое время бывавшего при дворе Генриха II Плантагенета, как, возможно, и сам Кретъен де Труа², а также Пейре Видаля и Пейре Рожье. В кансоне “*Ve.m cuidei de chantar sofrir*” («Я так хотел удержаться от песни...») Бернарт обращается к даме со следующей просьбой:

E car vos plac que.m fezetz tan d'onor
lo jorn que.m detz en baizan vostr' amor,
del plus, si.us platz, prendetz esgardamen.

[14, p. 176]

И поскольку Вам было угодно одарить меня такой честью
В тот день, когда Вы подарили мне поцелуй любви,
Подумайте, пожалуйста, о большем.

Слово *plus* у Бернарта встречается в уже знакомом нам контексте: употребление эвфемизма для обозначения высшего удовольствия и обязательное упоминание поцелуев, которые должны ему предшествовать.

2 Подробнее об этом см.: [3, p. 185 и далее].

Пейре Видаль и Пейре Рожье, используя слово *plus* в той же ситуации, видимо, позаимствовали этот мотив у своего старшего современника:

E.lh baizei a lairo
La boca e.l mento.
So n'ai agut e no mais re
E sui totz mortz, si.l plus rete.

[26, p. 63]

И я украл у нее поцелуй,
В уста и подбородок,
Это я получил, и ничего большего,
И я мертвец, если она удержит остальное.

De midons ai lo guar e • l ris,
e suy fols, s'ieu plus li deman...

[21, p. 60]

Моя дама меня хвалит и мне улыбается,
И я безумец, если буду просить большего...

Слово *plus* проникает и в творчество трубадуров так называемого *trobar clus*, «темного стиля». Гираут де Борнель в кансоне “Gen M’aten” разрывается между чувствами восторга и горя при мысли о своей даме. Трубадур старается во всем угодить возлюбленной, однако сталкивается с пренебрежением и равнодушием с ее стороны. Он, пытаясь покинуть даму, вновь и вновь возвращается к ней, но все равно не получает «большого»:

E revenh
Pel bon entresenh
Que • m men'e m'atrai
Los bous Bertalai!
C'a plus no • i atenh...

[18, p. 120]

Я возвращаюсь
Из-за хорошего предзнаменования,
Которое приводит ко мне

Быков Барталая!
Ибо большего мне не получить...

Что подразумевается под «большим», остается не вполне ясным: идет ли речь о знаке внимания или же о надежде на физическую близость с дамой. Есть в кансоне еще одно «темное место» — быки Барталая. Этот образ, встречающийся сразу в нескольких средневековых текстах и, видимо, отсылающий к известному в то время сюжету, пока не удалось интерпретировать однозначно³. Впрочем, Колсен, переводя нашу кансону, склоняется к тому, что быки Барталая символизируют обманчивость иллюзий [18, р. 121]. Таким образом, надежды трубадура оказываются напрасными, и «большого», что бы под ним ни подразумевалось, он не получает. А вот финальные строки не оставляют сомнения в том, что речь идет не только о платоническом чувстве:

E sui tan cortes
Que merces
Claman
Cut esdevenir
En so que dezi...
[18, р. 122]

И я так куртуазен,
Что прошу доказательства милости,
Которое желаю.

<...>
Si • m destrenh
Lo cor que l'engenh
C'avia perdrai,
S'ans que veia mai
Al plus no n'atenh.
[18, р. 122]

³ *los bous Bertalais* встречается в кансоне Гиравта де Борнеля “Can branca • l brondels e gama”, в анонимном лэ “Markiol”, а также в романе о Ланселоте. Подробнее об этом см.: [9, р. 230].

Итак, я освобожу
От пут сердце, ибо ум,
Который у меня был, я потеряю,
На большее я не надеюсь,
Даже если когда-либо увижу [ее].

Оптимистичный настрой трубадура, просящего о «доказательстве милости», через несколько строк сменяется мрачной обреченностью, но становится ясно, что именно поэт называет «большим».

В это время два других трубадура в качестве эротического эвфемизма используют еще один вариант рассматриваемого нами слова — *sobreplus*. В кансоне Гильема де Сен-Дидье “D’una don’ ai auzit dir que s’es clamada” классическая ситуация переворачивается и «остальное» просит не мужчина, а дама:

E del sobreplus volria aver drechura,
Que la perdoa e’l dan
Li mendes tot d’er enan
De sobreplus qu’en rete.

[20, p. 55]

Чтобы он отдал ей должное,
Чтобы загладил вину и возместил ущерб
И чтобы он больше не причинял ей зла,
удерживая «остальное».

Слово *sobreplus* встречается и в кансоне Аймерика де Пегильяна, когда трубадур говорит об эротической близости, которую не получает от своей дамы:

Hieu am lieys trop, mas elha petit me,
Mas ades n’ai un conort que • m reve,
Qu’al meynhs s’ilh tot del sobreplus no • m val,
Tan n’ai d’onor que ben cobri • l captal.

[12, p. 240]

Я люблю ее сильно, а она меня мало,
Но у меня еще есть утешение,
Что даже если она не даст мне остальное,
Я получил такую честь, которая возвращает всё вложенное.

Однако вернемся к Кретьену и еще одному возможному источнику его *surplus*. Старшая современница Кретьена де Труа Мария Французская уже использует тот же эвфемизм в тех же ситуациях, в лэ «Гижмар»⁴:

Des ore est Guigemar a aise.
Ensemble gisent e parolent
E sovent baisent e acolent;
Bien lur covienge del surplus,
De ceo que li autre unt en us!
[23, p. 32]

Теперь Гижмар счастлив.
Они лежат в объятиях друг друга,
Обмениваются поцелуями и нежными речами;
Им подобает, как и другим, заняться остальным!

Однако не всем влюбленным рыцарям и дамам из лэ Марии улыбается такая удача. В «Лэ о соловье» влюбленные, разделенные высокой стеной и строгой моралью, могут находить удовольствие лишь в созерцании друг друга, будучи лишены «всего остального»:

Delit aveient al veer,
Quant plus ne poeient aveir.
[23, p. 186]
Они получали удовольствие, смотря друг на друга,
Поскольку не могли иметь большего.

Интересно, что упомянутый нами отрывок из «Гижмара» цитирует Зенк, когда говорит об интертекстуальных связях трубадуров и Марии [11].

4 Элизабет По в статье "Marie de France and the Salut d'amour", анализируя те же цитаты, приходит к выводу, что Мария использует слово *surplus* "to amusing effect" [7, p. 316].

Очевидное сходство слов *plus* и *surplus* приводится медиевистом как доказательство того, что Мария читала трубадуров и заимствовала у них некоторые мотивы. Однако Зенк не рассматривает в этом контексте указанный нами отрывок из «Соловья», где поэтесса использует не *surplus*, а именно *plus*. Таким образом, мы склонны предположить, что Мария первая обнаружила эвфемизм у трубадуров, а Кретъен использовал его под влиянием лирики трубадуров и/или лэ.

Если первенство Марии по отношению к Кретъену еще может вызывать некоторые сомнения, то влияние поэтессы на использование интересующего нас слова в его эвфемистическом значении в романе Готье из Арраса кажется определенным. В финале романа «Илль и Галерон», написанном на сюжет лэ об Элидюке Марии Французской и как бы в его продолжение, при описании воссоединения Илля и Ганор, вновь встречается *sorplus*:

Ainc tant de joie n'ot mes nus
 Que Ganors n'ait .c. tans et plus,
 Car cex voit mors, dont plus se claime,
 Celui que plus desire et aime
 Acole et baise tot por voir,
 Et du sorplus est en bon espoir.
 La joie est grans qu'il vont faisant.

[17, p. 172]

Никто не испытывал большей радости, чем Ганор,
 Потому что она видит мертвыми тех, кого боялась,
 А того, кого больше всего желает и любит,
 Она обнимает и целует по-настоящему.
 И очень надеется и на большее.
 Велика радость от того, чем они занимаются.

Слово *surplus*, стоящее, как и в лэ Марии «Гижмар», в одном ряду с глаголами *acole* и *baise*, таким образом, становится эвфемизмом высшего и самого желанного проявления любви. Готье был хорошо знаком с лэ Марии, поэтому можно смело предположить, что слово *sorplus* в эротическом значении введено в роман под влиянием лэ.

Итак, пока мы встречали слово *surplus* либо в прямом, либо в эвфемистическом значении. Но обратимся еще раз к Марии Французской и процитируем фрагмент пролога к сборнику лэ, который, вероятно, был написан уже после создания всех двенадцати текстов:

Ceo tes[ti]moine Preciens,
Es livres ke jadis feseient
Assez oscurement diseient
Pur ceus ki a venir esteient
E ki aprendre les deveient,
K'i peüssent gloser la lettre
E de lur sen le surplus mettre.

[23, p. 2]

Как свидетельствует Присциан,
В древние времена книги часто писались темно,
Поскольку считалось, что потомки,
Которые будут по ним учиться,
Смогут их толковать и обогатить их дополнительным смыслом.

Слово *surplus* превращается в метафору познания и интерпретации, привносящей новые, дополнительные смыслы: «высшее наслаждение», *le surplus*, которое достигается в половом акте, становится высшей точкой познания, достичь которую можно только в герменевтическом акте интерпретации, привносящей новые дополнительные смыслы в древний текст. Встреча новых авторов с авторами древними возможна лишь в акте толкования «новыми» «древних», *li anciens*, и выходе через него в одновременность «древних» и «новых», в то самое «большое время», «бесконечный и незавершимый диалог, в котором ни один смысл не умирает» [1, с. 392], а «Аристотель и Гегель, Кант и Хайдеггер, Уайтхед и Виттгенштейн — примечания к Платону, участники бесконечного диалога» [2, с. 12].

Таким образом, «древние» открывают (общий пролог, где «древними» Мария называет античных поэтов) и закрывают (эпilog последнего лэ, «Элидюк», где «древними» названы уже древние бретонцы) единственное полное собрание лэ (из английского манускрипта «Н»); одна античность дополняет другую в проекте Марии Французской: «литературная» —

античность философов и поэтов древности — и «устная» античность, воспеваемая в бретонских лэ и записанная Марией. А происходит этот процесс дополнения и толкования через то, что потом назовут герменевтическим актом и что Мария называет уже хорошо знакомым нам словом — *le surplus*.

Не вполне ясно, встречалось ли еще в средневековой литературе подобное использование слова *surplus*. Американские медиевисты Норрис Лейси, Дуглас Келли и Кейт Басби проводят параллель между значением *surplus* в прологе Марии и его употреблением в романе начала XIII в. — «Мерожис де Портлегез», написанного Раулем де Уданом [8, р. 81–82]. Рассмотрим все фрагменты, в которых появляется интересующее нас слово.

Главные герои, рыцарь Гавейн и его друг Мерожис, влюбляются в одну и ту же даму — прекрасную Лидуану. Вскоре же выясняется, что природа их любви различна: Гавейн любит даму за красоту, а Мерожис — за ум и куртуазность. Между соперниками происходит следующий диалог:

Por quoi l'aim gié? — Por sa beauté!

Por sa beauté? — Voire, sanz plus!

Tot en claim quite le sorplus,

Car por itant sui ses amis...

[24, р. 106]

За что я ее люблю? — За красоту!

За красоту? — Именно, и ничто другое!

Она (красота) потребна мне целиком, другого ничего не надо,

Ведь именно из-за нее я стал ее другом...

В этом отрывке Гавейн противопоставляет красоту Лидуан всему остальному, т. е. ее моральным качествам, *courtoisie et sagesse* (куртуазность и мудрость), которые Гавейн обобщает в слове *le sorplus*. В том же значении оно появляется в следующем отрывке:

— Si ai, je cuit. — Vous, non avez

Quant vos por son cors ne l'amez.

Ceste reson vos por son cors ne l'amez.

Que vaut li sorplus sanz le cors ?

Noient enfin, ce vueil je dire.

[24, p. 112]

— Думаю, да. — Нет,

Раз Вы не любите ее за красоту тела,

Этого достаточно, чтобы она не любила Вас.

Что стоит остальное без тела?

Совсем ничего, вот что я хочу сказать.

Итак, Гавейн противопоставляет два типа любви: любовь к красоте и телу и любовь к «остальному». Лидуан обращается за помощью к другим дамам и просит их определить, чья любовь истинная. Вот что говорят дамы о Мерожисе:

Et cil revielt prover por voir

Qu'il l'aime por sa courtoisie,

Et par tant doit estre s'amie

Et par tant claim le sorplus.

[24, p. 132]

Он хочет непременно доказать,

Что любит ее за куртуазность,

И потому она должна стать его подругой,

И потому он притязает на все остальное.

Здесь понятия куртуазности и остального не уподобляются друг другу, но все еще противопоставляются красоте и телу. Дамы представляют куртуазность как высшую благодетель Лидуан, которой она пленила Мерожиса. Остальные ее качества, которые рыцарь также любит, обобщенно обозначаются с помощью слова *le sorplus*. После обсуждения королевский двор выносит приговор: истинную любовь испытывает Мерожис, и потому именно он достоин руки Лидуан.

Несмотря на явную ориентацию Рауля де Удана на тексты Кретьена де Труа, упомянутые нами американские медиевисты видят неразрывную связь процитированных выше фрагментов с прологом Марии Французской [8, p. 80–81]. Действительно, оба автора наделяют *surplus* новым, отличным

от прямого (количественного) и эвфемистического, значением. Однако их смыслы, как скорее всего и источники, различны. Мария играет с эротическим значением *surplus*, уподобляя половой акт акту познания. Рауль берет за основу прямое значение слова («остальное», «дополнительное», «неупомянутое») и превращает его в некое нарицательное обозначение куртуазных качеств дамы.

Итак, появившись в письменных источниках как «остальное» и «прочее», слово *surplus* довольно быстро приобретает второе, эвфемистическое значение. В конце XII в. *surplus* становится метафорой, обозначающей высшую милость дамы. Мария Французская, одна из первых использующая слово именно в таком контексте, в прологе делает из него метафору познания. Эвфемизм приживается в литературе XIII в.: «Гибельный погост» анонимного автора [19], «Жеган и Блонда» Филиппа де Реми [22], «Женское целомудрие» Робера де Блуа [25] — вот только несколько текстов со знакомым нам вторым значением слова. Таким образом, если в конце XII в. прямой и эротический смысл *surplus* существуют довольно равноправно и могут встречаться даже в пределах одного текста, то в XIII в. ситуация меняется и эвфемизм вытесняет первичное значение слова *surplus*.

Список литературы

Исследования

- 1 *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- 2 *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.
- 3 *Aurell M.* La légende du roi Arthur 550–1250. Paris: Perrin, 2007. 692 p.
- 4 *Godefroy F.* Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle. Paris: F. Vieweg, 1982. Vol. 7. 810 p.
- 5 Huchet, J.-Ch. L'«Amor de Lonh» du grammairien // *Médiévales*. 1985. No. 9. P. 64–79.
- 6 *Perret M.* Le surplus ou l'indicible étreinte // L'indicible et ses marques dans l'énonciation / Sous la direction de Jean Jacques Franckel et Claudine Normand. Paris: Université de Paris, 1998, X Numero Special de Linx. P. 71–85.
- 7 *Poe E.W.* Marie de France and the Salut d'amour // *Romania*. 2006. V. 124. No. 495/496 (3/4). P. 301–323.
- 8 *The Legacy of Chretien de Troyes* / edited by Norris J. Lacy, Douglas Kelly, and Keith Busby. Amsterdam: Editions Rodopi B.V. 1988. 348 p.
- 9 *The Cansos and Sirventes of the Troubadour, Giraut de Borneil: A Critical Edition* / by Ruth Verity Sharman. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 520 p.
- 10 *Tobler A.* Lommatzsch, Erhard. Altfranzösisches Wörterbuch. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1973. Bd. 9. 642 p.
- 11 *Zink M.* Littératures de la France médiévale // *L'annuaire du Collège de France* [En ligne], 108 | 2008, mis en ligne le 24 juin 2010, consulté le 04 février 2022. <https://doi.org/10.4000/annuaire-cdf.124>. URL: <http://journals.openedition.org/annuaire-cdf/124> (дата обращения: 28.09.2020).

Источники

- 12 *Bartsch K.* Chrestomathie de l'ancien français (VIIIe–XVe siècles) accompagnée d'une grammaire et d'un glossaire. Éd. 3-ème, corr. et augm. Leipzig: Vogel, 1875. 543 p.
- 13 *Blois Robert de.* Chastoiement des dames / éd. par John Howard Fox. Paris: Nizet, 1950. 194 p.
- 14 *Bornelh Giraut de.* Sämtliche lieder des trobadors / von Adolf Kolsen. Halle: Verlag von Max Niemeyer, 1910. 520 p.
- 15 *D'Arras Gautier.* Ille und Galeron / von Wendelin Foerster. Halle: M. Niemeyer, 1891. 555 p.
- 16 *Gaimar G.* L'estoire des Engleis / éd. par Alexander Bell. Oxford: Blacjwell Publ., 1960. 307 p.
- 17 *Houdenc Raoul de.* Meraugis de portlesguez: roman arthurien du XIIIe siècle, publié d'après le manuscrit de la Bibliothéque du Vatican / éd. bilingue publiée sous la direction de Michelle Szkilnik. Paris: H. Champion, 2004. 538 p.

- 18 *L'âtre périlleux, roman de la Table Ronde* / éd. par Brian Woledge. Paris: Champion, 1936. 301 p.
- 19 *Mahn C.A.* Die Werke der Troubadours: in provenzalischer Sprache; mit einer Grammatik und einem Woerterbuche. Berlin: Mahn Publ., 1855. 253 p.
- 20 *Nicholson D.* The Poems of the Troubadour Peire Rogier. Manchester: University Press, 1976. 171 p.
- 21 *Peguillan Aimeric de.* The Poems of Aimeric de Peguilhan / ed. and trans. by William P. Shepard and Frank M. Chambers. Evanston: Northwestern UP, 1950. 254 p.
- 22 *Philippe W.* Lais du Moyen Âge. Récits de Marie de France et d'autres auteurs (XIIe–XIIIe siècle) / éd. bilingue publiée sous la direction de Philippe Walter, trad. de différentes langues par Lucie Kaempfer, Ásdís R. Magnúsdóttir, Karin Ueltschi et Philippe Walter. Paris: Collection Bibliothèque de la Pléiade, Gallimard, 2018. 1402 p.
- 23 *Remi Philippe de.* Jehan et Blonde / éd. par Sylvie Lécuyer. Paris: Champion, 1984. 208 p.
- 24 *Troyes Chrétien de.* Romans suivis des Chansons, avec, en appendice, Philomena / éd. par Michel Zink, Jean-Marie Fritz, Charles Méla, Olivier Collet, David F. Hult et Marie-Claire Za. Paris: Librairie générale française, 1994. 1279 p.
- 25 *Ventadorn Bernart von.* Seine Lieder mit Einleitung und Glossar Herausgegeben / Appel, Carl von. Halle: Niemeyer, 1915. 404 p.
- 26 *Vidal P.* Les poésies / éd. par Joseph Anglade. Paris: H. Champion, 1913. 187 p.
- 27 *Wace R.* Le roman de Brut / éd. par Le Roux de Lincy. Rouen: Édouard Frère, 1836. Vol. 1. 550 p.

References

- 1 Bakhtin, M.M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [*Aesthetics of Verbal Art*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russ.)
- 2 Gadamer, G.G. "Filosofija i germenevtika" ["Philosophy and Hermeneutics"]. *Aktual'nost' prekrasnogo* [*The Relevance of the Beautiful*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 368 p. (In Russ.)
- 3 Aurell, Martin. *La légende du roi Arthur. 550–1250*. Paris, Perrin, 2007. 692 p. (In French)
- 4 Godefroy, Frédéric. *Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle*, vol. 7. Paris, F. Vieweg, 1982. 810 p. (In French)
- 5 Huchet, Jean-Charles. "L'Amor de Lonh du grammairien." *Médiévales*, no. 9, 1985, pp. 64–79. (In French)
- 6 Perret, Michèle. "Le surplus ou l'indicible étreinte." *L'indicible et ses marques dans l'énonciation*, sous la direction de Jean Jacques Franckel et Claudine Normand. Paris, Université de Paris, X Numero Special de Linx., 1998, pp. 71–85. (In French)
- 7 Poe, Elizabeth W. "Marie de France and the Salut d'amour." *Romania*, vol. 124, no. 495/496 (3/4), 2006, pp. 301–323. (In French)
- 8 Sharman, Ruth Verity, editor. *The Cansos and Sirventes of the Troubadour, Giraut de Borneil*. Cambridge, Cambridge University Press, 1989. 520 p. (In English)
- 9 Lacy, Norris J., Kelly, Douglas, Busby, Keith, editors. *The Legacy of Chretien de Troyes*. Amsterdam, Editions Rodopi B.V., 1988. 348 p. (In English)
- 10 Tobler, Adolf, Lommatzsch, Erhard. *Altfranzösisches Wörterbuch*, vol. 9. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 1973. 642 p. (In German)
- 11 Zink, Michel. Littératures de la France médiévale. *L'annuaire du Collège de France*, no. 108, 2008. Available at: <http://journals.openedition.org/annuaire-cdf/124> (Accessed 25 February 2021). (In French)